

УДК 82.091 (Честертон–Цветаева)

**Теодицея в романе Г.К. Честертона
«Человек, который был Четвергом»
и стихотворения М.И. Цветаевой осени 1922 года
в свете проблемы интертекстуальности**

Писарев Лев Викторович

Кандидат филологических наук,
заведующий кафедрой германской филологии,
Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет,
115184, Российская Федерация, Москва, ул. Новокузнецкая, 23, стр. 5а;
e-mail: lev-king@mail.ru

Аннотация

В статье исследуется проблема межтекстового взаимодействия произведений Г.К. Честертона (роман «Человек, который был Четвергом», 1908 г.) и стихотворений М.И. Цветаевой сентября-октября 1922 года, прежде всего, лирического цикла «Бог» (1–5 октября 1922 г.). В романе «Человек, который был Четвергом» и в стихотворениях М. Цветаевой указанного периода виден не только ряд схожих мотивов и образов – яркое свидетельство влияния произведения Честертона на творчество русской поэтессы, но и общие для авторов рассматриваемых текстов попытки оправдать благость Бога перед лицом присутствующего в мире зла (теодицея). В исследуемых произведениях Честертона и Цветаевой, по мнению автора, присутствует схожий мотив погони за Богом и мотив ускользания Бога от пытающихся догнать его, увидеть и познать людей. Наличие определенной близости поэзии Цветаевой и романа Честертона отмечается и в описании Бога как природы.

Для цитирования в научных исследованиях

Писарев Л.В. Теодицея в романе Г.К. Честертона «Человек, который был Четвергом» и стихотворения М.И. Цветаевой осени 1922 года в свете проблемы интертекстуальности // Культура и цивилизация. 2016. Том 6. № 6А. С. 7-21.

Ключевые слова

Теодицея, интертекстуальность, Честертон, Цветаева, пантеизм.

Введение

В данной работе будет произведено сопоставление романа Г.К. Честертон «Человек, который был Четвергом» и стихотворений М.И. Цветаевой конца 1922 года, прежде всего цикла «Бог», созданного в период с 1 по 5 октября 1922 года. В романе английского писателя и стихотворениях начала 20-х гг. русской поэтессы отмечаются не только схожие мотивы и образы, которые могут свидетельствовать о влиянии произведения Честертон на поэзию Цветаевой указанного периода и об интертекстуальности ее творчества, но и общее направление теодицеи, то есть, попытка оправдать благость Бога перед лицом присутствующего в мире зла [Валеева, 2012]. Доказательством этого может служить тот факт, что М.И. Цветаева была знакома с творчеством Честертон, в частности с романом «Человек, который был Четвергом», первый перевод которого на русский язык был осуществлен еще до революции, в 1914 году (перевод Е.С. Кудашевой)¹.

Философская основа композиции и особенности литературной формы романа Г.К. Честертон «Человек, который был Четвергом»

Произведение Г.К. Честертон «Человек, который был Четвергом» называют «самым детективным из богословских» и «самым богословским из детективных». По замечанию А.В. Суховского, в этом романе Честертон создает «апологию христианства в детективной форме». По нашему мнению, в романе совмещено три жанрово-видовые формы: детектив, нонсенс (абсурд) и мистерия. Не вызывает сомнения и высказывание А.В. Суховского, что данный роман является «теодицеей под маской детектива» [Суховский, 2011, www].

Остановимся кратко на содержании романа. Начинаясь как детективная история, «метафизический триллер» о некоем тайном анархическом союзе, о борьбе сторонников закона против сторонников беззакония, роман в своем движении к развязке проходит стадию произведения абсурда (не случайно роман имеет подзаголовок «Страшный сон» ("A Nightmare")). Происходит это в 13 и 14 главах, в которых описывается погоня за зловещим Председателем Совета Анархистов по имени Воскресенье.

Герои романа проходят через чреду сомнений, страданий и сражений, но оказывается, что все они, носящие в Совете Анархистов имена дней недели, являются сотрудниками тайной полиции, защищающими миропорядок и закон в виде предотвращения страшного замысла развязывания мировой войны. Все они были приняты на службу загадочным человеком, лица которого они не могли разглядеть. Все они объединяются в погоне за Воскресеньем.

¹ Позднее в 1923 году вышел в свет анонимный перевод с предисловием Леонида Трауберга. В нашей работе мы цитируем роман в переводе Н.Л. Трауберг.

В последней главе романа наступает парадоксальная развязка. Все шестеро, отчаявшись настигнуть Председателя-Воскресенья, оказываются по его же приглашению в некоем роскошном дворце с чудесным садом, где и раскрывается тайна их Председателя. Герои оказываются Днями Творения Мира (отсюда их имена дней недели), а сам Воскресенья – Богом.

По нашему мнению, данное произведение можно назвать теодицеей (то есть, «оправданием Бога») потому, что к финалу, когда «снимается последняя маска с лица Воскресенья», оказывается, что все злоключения героев не были напрасны, это испытание, устроенное для них тем, кого они преследовали. Служа закону и порядку, они достойно его выдержали и были введены в сонм ближайших слуг Того, Кем оказывается Воскресенья.

В произведении много библейских аллюзий, можно сказать, что вся его философская часть построена именно на них, на их яркой образности и символичности. Даже имена героев-антагонистов, спор которых о справедливости мироустройства является центральным для религиозно-философской идеи романа, являются «говорящими»: выступающий на стороне закона и Божественного мироустройства Гэбриэл Сайм носит имя, данное в честь Архангела Гавриила, а его противника, сущего анархиста-разрушителя, зовут Люциан, что созвучно имени «Люцифер». Об этом отрицательном герое Честертон в своей «Автобиографии» скажет: «В конце романа я ввел человека, который прямо и осознанно отрицает добро, бросает ему вызов» [Честертон, Автобиография, www]. Важно и то, что поступающий на службу в тайную полицию Гэбриэл Сайм Человеком из темной комнаты был назван «новым воином», которому предстоит биться при Армагеддоне. Когда Сайм усомнился в том, подходит ли он для новой должности, в ответ он услышал:

– Я не знаю занятия, – сказал Сайм, – для которого достаточно одной готовности.

– А я знаю, – сказал начальник. – Мученики. Я приговариваю вас к смерти... [Честертон, 2000, 213].

Тот путь борьбы со злом, к которому были готовы призванные для дела добра герои романа, называется мученичеством, оно является высшей формой исповедования веры и высшей христианской доблестью. Финальные слова Воскресенья: «Можете ли пить чашу, которую я пью?» – отсылают нас к священной миссии Христа.

Такая развязка детективно-абсурдного романа может показаться кощунственной с точки зрения канонического богословия: слишком вольно обращается Честертон с темой божественной сущности, самым образом Воскресенья (его обликом, погони за ним) не согласуются со строгим ортодоксальным взглядом на отражение образа Божия. Но здесь мы хотели бы опять обратиться к тонкому замечанию А.В. Суховского: «Абсурд не обязательно бессмыслица, иногда „сверхмыслица“. Соприкосновение человека с иным миром чаще всего воспринимается как нечто абсурдное. Божественная реальность не помещается в рамки человеческой логики...» [Суховский, 2011, www]. Сам Честертон писал: «Жизнь не бессмыслица, а все же логике она не по зубам... Не всё можно взять логикой, но выясняется

это в последний момент...» [Честертон, Ортодоксия, www]. Подобно этому автор и в романе через бессмыслицу открывает читателю сверхъестественное.

Свой роман Честертон называет «Страшный сон» ("A Nightmare"), то есть все происходящее и увиденное главному герою только приснилось. Писатель же, изобразив то, чего нет на самом деле, следуя логике детских игр, ответственности за выдумку не несет. Исходя из этого, данное произведение Честертон исследователи нередко сравнивают со сказкой Л. Кэрролла «Приключения Алисы в стране чудес», отмечая сходство как в наличии абсурда, так и в сложности заключенного в произведениях смысла. В таком духе выпустил комментарии как к роману Честертон, так и к произведениям Льюиса Кэрролла известный математик Мартин Гарднер, автор многих занимательных книг о математических задачах и головоломках [Gardner, 1999; Gardner, Tenniel, 2000].

Межтекстовое взаимодействие творчества

Г.К. Честертон и М.И. Цветаевой

Во многом таким же был подход к творчеству и у М.И. Цветаевой, относившейся к поэтической стихии как к сновидениям, воплощающимся в стихи. Многие произведения поэтессы реализуют в себе «сновидческую» природу объектов, людей и явлений.

В романе Честертон и произведениях М.И. Цветаевой сходным видится нам прежде всего мотив погони за Богом и мотив ускользания Бога от пытающихся его догнать, увидеть и познать людей. В «Человеке, который был Четвергом» сам эпизод погони за Тем, кто в финале окажется Богом, описывается как фантасмагорическое действие, обозначенное Преследуемым:

– Хотите знать, что я такое? Буль, вы ученый. Вникните в корни деревьев и разгадайте их. Сайм, вы поэт. Взгляните на утренние облака и скажите мне или другим, что они значат. Но говорю вам, вы узнаете истину о самом высоком дереве и самой далекой тучке прежде, чем вам откроется истина обо мне. Вы разгадаете море, а я останусь загадкой; вы поймете звезды, но не меня. С начала времен меня травили, как волка, правители и мудрецы, поэты и законники, все церкви, все философы. Но никто не поймал меня, и небеса упадут прежде, чем паду я. Да, погонялись они за мной... Погоняйтесь и вы.

Никто еще не шелохнулся, когда чудовищный человек перемахнул через перила, словно орангутан. Но раньше, чем спрыгнуть вниз, он подтянулся, как на турнике, и, опершись огромным подбородком о край балкона, торжественно промолвил:

– Одно я вам скажу. Я – человек в темной комнате, который сделал вас сыщиками.

С этими словами он рухнул вниз и подпрыгнул, как гигантский мяч, и побежал мягкими прыжками к углу, где кликнул кеб, а потом в него вскочил» [Честертон, 2000, 301-302].

Именно эти слова и последовавшая за ними погоня, в процессе которой Воскресенье, «тучный, седовласый старик», прыгает с высокого балкона, перемахивает через препятствия, скачет в кэбе, убегает через зоосад, вырываясь из него верхом на слоне, наконец,

улетает на воздушном шаре – изначально привлекли наше внимание. При этом героям никак не удастся догнать Его, при этом Воскресенье во время погони еще находит время писать своим преследователям шуточные бессмысленные записки.

И вот в 3-м стихотворении цикла «Бог» М. Цветаевой мы видим тот же мотив погони за Богом и невозможности его догнать. В нем не только подобие самой ситуации погони за Богом, но и ряд схожих с произведением Честертона образов:

О, его не привяжете
К вашим знакам и тяжестям!
Он в малейшую скважинку,
Как стройнейший гимнаст...
[Цветаева, 1990, 228]

Ловкость и грация, не свойственная грузным людям и тем удивительная в образе убегающего от погони Воскресенья («Мы представляем толстых тяжелыми, а он перепляшет эльфа» [Честертон, 2000, 309]), явно перекликается с цветаевским сравнением Его с «гимнастом», способным на невозможное.

Сопоставима со строками Цветаевой и романная сцена полета на воздушном шаре, который невозможно догнать:

Все под кровлею сводчатой
Ждали зова и зодчего.
И поэты и летчики –
Все отчаивались...
[Цветаева, 1990, 228]
А финальные строки стихотворения:
Ибо бег он – и движется.
Ибо звездная книжища
Вся: от Аз и до Ижицы, –
След плаща его лишь!
[Там же]

Интересно сопоставить со словами одного из героев романа Честертона о Воскресенье: «...Каждый сравнивает его с мирозданием...» [Честертон, 2000, 312]. Также герои сравнивают Воскресенье с Паном, упоминая, что «Пан» по-гречески и есть «Все». Такого рода сравнение возникает еще в момент погони за «Всеускользающим», когда неизвестно, кем в результате Он окажется.

Цикл «Бог» Цветаевой начинается словами:
Лицо без обличия.
Строгость. – Прелесть.

Эти слова отсылают нас к облику Воскресенья из романа Г.К. Честертон: его лицо также никто не мог разглядеть ясно. Все отмечали, что оно огромно, но ни пропорций, ни

ясных черт герои разобратить не могли. Многих из них его лицо пугало: кому-то оно казалось зловещим, а главного героя, Гэбриэла Сайма, пугало не только своей огромностью, но и тем, что прекрасно и милостиво, как у Архистратига, вершащего правый суд после битвы.

В письмах Марины Цветаевой и прозе ее сестры, Анастасии, мы встречаем упоминание именно этой, как им показалось, самой яркой черты Воскресенья. Так, например, М.И. Цветаева в 1927 году писала Б.Л. Пастернаку: «...если бы ты видел «морду» – широкую, умную, бритую, барскую – лицо «Воскресенья» из «Человека, который был Четвергом» – с которой Сувчинский просил у меня твой адрес...» [Коркина, Шевеленко, 2004, 417]. А Анастасия Цветаева в книге «Воспоминания» о А.В. Назаревском, хранителе Музея Изящных искусств, построенном их с Мариной отцом, И.В. Цветаевым, сообщает следующее: «Огромный, полный, с окладистой бородой, в которой уж сверкало серебро. Лицо его казалось неестественно большим, глаза навывкате, и весь он был точно увеличенный в лупу. Позднее, прочтя «Человек, который был четвергом» Честертона, мы вспоминали Александра Владимировича Назаревского. Было трудно поверить, что кто-нибудь, кроме него, был назван там «Воскресеньем». Он как-то подходил к нашему дому, вошел, как домой, в его затаенную сказочность. Хоть и говорил обычно с папой о раскопках на Крите или же об экспозиции зал и о музейском хозяйстве, рабочих и о текущих делах. Но разве в гофмановском «Чудесное дитя» не был гувернером – Чернилка, подымавшийся черной гигантской мухой – под потолок?! И „крестный“ Дроссельмейер в «Щелкунчике»... Так, значит, Назаревский, таинственный «Воскресенья», – будет кружиться, вместо Марины и меня, по ночам в лунной Элладе?...» [Цветаева, 1984, 328]. Или в письме А.И. Цветаевой А.М. Горькому (27 июня 1927 г., Узкое): «О Честертоне совершенно согласна. В нем есть пошлость. Но «Человека» его – люблю (Честертон «Человек, который был Четвергом»)» [Цветаева, 1984].

О том, что Марина Цветаева была хорошо знакома с творчеством Честертона, свидетельствует и такая запись из письма поэтессы князю Д.А. Шаховскому от *20-го марта* 1926 года: «Я Вас еще не поблагодарила за Честертон. Очень мне близкая и замечательная книга» [Письмо, www]. О какой книге идет речь? Чаще всего в своих письмах и прозе Цветаева упоминает именно роман «Человек, который был Четвергом», как, например, в эссе «Эпос и лирика современной России» (1932 г.): «У Маяковского тоже есть детали, весь на деталях, но каждая деталь с рояль. (По временам физика стихов Маяковского мне напоминает лицо Воскресенья из «Человека, который был Четвергом» – слишком большое, чтобы его можно было мыслить)» [Цветаева, Эпос и лирика..., www]. Такое описание «физики стихов» Маяковского отсылает нас к библейской образности честертоновского героя – Воскресенья.

В том, что на протяжении всего романа Честертон героям не удастся внимательно разглядеть облик Воскресенья в деталях, а видят они Его в основном со спины, есть явная отсылка к эпизоду встречи Моисея с Богом: «...ты увидишь меня сзади, а лице Мое не будет видимо» (Исх. 33:18-23). Главный герой романа Гэбриэл Сайм маркирует загадочность

внешности Воскресенья как тайну мира: «Тайна эта в том, что мы видим его только сзади, с оборотной стороны. Мы видим все сзади, и все нам кажется страшным. Вот это дерево, например – только изнанка дерева, облако – лишь изнанка облака. Как вы не понимаете, что все на свете прячет от нас лицо? Если бы мы смогли зайти спереди...» [Честертон, 2000, 313]. Такое видение мира, по замечанию А.В. Суховского, – следствие того, что «мир вывернут наизнанку преступлением Адама (и всего человечества), и поэтому мы не можем видеть его правильно...» [Суховский, 2011, www]. Именно в объяснении того, что люди видят лишь ложную сторону вещей, например, зло, существующее в мире, но не видят истинную природу Бога и его ангелов – их любовь и страдания за человеческий род – заключается теодицея романа.

Идеи теодицеи в творчестве М.И. Цветаевой и Г.К. Честертона

По нашему мнению, Марина Цветаева в своих стихах пытается воплотить суть вещей, дать им сбыться такими, как их задумал Бог². При этом, к теме Бога М. Цветаева будет обращаться и в более поздних своих стихотворениях, например, в цикле «Куст», где Куст, о котором пишет поэт, является отсылкой к Неопалимой Купине в момент явления Бога Моисею.

Произведение Честертона и стихотворения Цветаевой конца 1922 года объединяет общее направление теодицеи. У Честертона герои проходят через ряд испытаний, подобно Иову Многострадальному: в романе наличествует прямая отсылка к Книге Иова, когда в некий день «пришли сыны Божии предстать пред Господа; между ними пришел и сатана» [Честертон, 2000, 323] (ср. Иов 1, 6), – так и среди дней недели, главных героев, пред Воскресеньем появляется Люциан Грегори, носящий «говорящее» имя (ср. «Люцифер»). Однако после испытаний все герои находят объяснение своим страданиям, обретают гармонию и смысл в единении с Воскресением.

У М. Цветаевой в 1922 году появляется ряд стихотворений, которые отражают путь ее души к примирению с Богом. К осени 1922 года Цветаева пережила много потрясений: революцию, голод, смерть дочери, потерю имущества и вынужденный отъезд из России. В эмиграции тяготы быта продолжились, а в стихах начального периода эмиграции нашло отражение разочарований в мире людей, в земной справедливости и стремление к уходу от несправедливости земного бытия к тому, что связано с миром Вечности, с тайной мироздания – к миру природы. Это стремление отразилось прежде всего в стихотворениях цикла «Деревья», который по времени создания примыкает к циклу «Бог» и начинается строками:

В смертных изверься,
Зачароваться не тщусь...

2 «Любить – видеть человека таким, каким его задумал Бог и не осуществили родители» [Цветаева, Записная книжка..., www].

В старческий вереск,
В среброскользящую сушь!³

Отметим даты создания стихотворений: 1-е из цикла «Бог» было создано 1 октября, 5-е из цикла «Деревья», «Беглецы? – Вестовые?» – 3 октября, 2-е и 3-е стихотворения цикла «Бог» – 4 и 5 октября, а 6-е стихотворение цикла «Деревья» – 8-9 октября. Таким образом, появляясь одно за другим, они могут показать нам летопись жизни души поэта и эволюцию темы. Стихотворения объединялись в циклы самой М. Цветаевой, были включены автором в одну книгу стихов «После России», но создавались они как отдельные произведения.

Первое стихотворение Цветаевой цикла «Бог» «Лицо без обличья...» сходно с идеей романа Честертонна – идеей конечного примирения, покоя и гармонии в Боге всех страдавших в этом мире:

Все ризы делившие
В тебе спелись.
... Все криком кричавшие
В тебе стихли...
Победа над ржавчиной –
Кровью – сталью.
Все навзничь лежавшие
В тебе встали.

[Цветаева, 1990, 226-227]

Слова соотносятся со свойствами Высшей Силы у Честертонна: на вопрос героев его романа: «Кто ты и что ты такое?» – Воскресенье отвечает: «Я отдых воскресный», «Я – мир, я покой Божий» [Честертон, 2000, 322].

В 5-м стихотворении цикла «Деревья» впервые в этот период появляется мотив погони за Богом:

Беглецы? – Вестовые?
Отзовись, коль живые!
Чернецы верховые,
В чащах Бога узрев?

[Цветаева, 1990, 217].

Все стихотворение построено на динамике погони, мотив которой будет развит во 2-м и 3-м стихотворениях цикла «Бог». Так, в стихотворении «Нищих и горлиц...» не только развит мотив погони, он дополнен четко выраженным мотивом ускользания Бога от человека:

Книги и храмы
Людам отдав – взвился.

[Цветаева, 1990, 227].

3 Характеристика Высшей Силы – Бога – в циклах «Сивилла», «Деревья», «Бог» совпадают с характеристиками того мира, к которому принадлежит Лета, вереск, Сивилла: сушь, седость.

Как и в стихотворении «Беглецы? – Вестовые?..» здесь будет описан порыв деревьев и Бога ввысь, от земного бытия к небу. Схожий мотив стремления духа поэта ввысь мы увидим в стихотворении «Это пеплы соковищ...»: «Как отвесное пламя/ Дух из ранних седин...». При этом динамика в стихотворении сочетает в себе и движение по горизонтали, описываемое как в образах природы («беглецы», «вестовые», «чернецы верховые», «гончие», «лани»), так и библейских образах (Саул, Давид), и движение по вертикали: сбрасывание деревьями листвы как отбрасывание лишнего и земного приближает их к миру «горнему»: «ввысь сорвавшийся лес». Заметим, поэта приближают к миру Бога и Вечности седые волосы созданного образа («Это пеплы соковищ...»), когда потери (молодости, земного имущества, богатства) становятся его приобретением:

Значит Бог в мои двери –
Раз дом сгорел!..
Эта седость – победа
Бессмертных сил»

[Цветева, 1990, 224].

Мир природы в цикле «Бог» выступает соучастником бегства Бога от человека и не только в синхронном стремлении Того ввысь и в динамике Его бега, но и в стремлении сокрыть Создателя от преследователей:

Тайной охраной
Хвойные мчат леса:
– Скроем! – Не выдадим!

[Цветева, 1990, 227].

На основе образов предыдущих стихотворений (библейские образы) и того, что мы видим здесь, можно сказать, что природа для Цветевой тесно связана с миром Писания, Бог присутствует в каждом ее элементе:

Следом гусиным
Землю на сон крестил.
Даже осиной
Мчал – и ее простил:
Даже за сына!

[Цветева, 1990, 227].

Здесь, как видим, появляется упоминание осины, в народном сознании, проклятого дерева, на котором, по одной версии, повесился предатель Иуда, по другой, из которой был сделан крест для распятия Христа⁴. Завершают это стихотворение строки, которые для православного человека выглядят пугающе:

Нищие пели:
– Темен, ох, темен лес!

4 По православным преданиям это не так, да и осина на Святой Земле не растет.

Нищие пели:
– Сброшен последний крест!
Бог из церквей воскрес!
[Цветаева, 1990, 227].

На наш взгляд, так поэт развивает тезис «Книги и храмы / Людям отдав – взвился...», а также делает переход к 3-му стихотворению цикла, в котором будет развиваться мотив погони за Богом, недостижимым и непостижимым. В нем также отчетливо слышен отголосок отрицания несправедливости земного бытия (стихотворение «Хвала богатым», цикл «Заводские», в котором не только отражено отчаяние поэта, но и протест против земного, официального понимания Бога:

А Бог? – Под самый лоб закурен,
Не вступится! Напрасно ждем!
Над койками больниц и тюрем
Он гвоздиками пригвожден...
[Цветаева, 1990, 254].

В романе Честертон эта же мысль прозвучит из уст самого Воскресенья (Бога), которого «все церкви, все философы» травили, как волка, но были не в силах настичуть и постичь человеческой мыслью [Честертон, 2000, 301]. А М. Цветаева позднее в цикле «Поэты» (1923) о доле поэта скажет так: «Есть в мире Иовы, что Иову/ Завидовали бы...» [Цветаева, 1990, 221].

Душевное состояние поэта Цветаевой, отразившееся в строках ее стихотворений, мы можем сравнить с метаниями и сомнениями одного из героев романа Честертон, входящего в число «воинов Добра», Секретаря-«Понедельника»: «Если ты изначально был нам отцом и другом, почему ты был злейшим нашим врагом? Мы плакали, мы бежали в страхе, оружие пронзило нам сердце – и ты покой Божий? О, я прощу Богу гнев, даже если он всех уничтожит, но не прощу Ему такого мира!» [Честертон, 2000, 322]. Ответом на эти слова в романе будет кульминационный спор Гэбриэла Сайма и Люциана Грегори, содержащий теодицею: объяснение и оправдание земных страданий, которые даются для того, «чтобы мы смели ответить на кощунство и ложь Сатаны. Мы купили муками и слезами право на слова: «Ты лжешь» [Честертон, 2000, 324].

Третье стихотворение цикла «Бог», упоминавшееся ранее, также содержит попытку как описать свойства Бога: движение, бег, присутствие Его во всем окружающем, – так и признать, что встреча с Ним возможна только в Его творении, да и то, самое великое из Его творений будет «след плаща Его лишь...». Именно поэтому Марина Цветаева стремится увидеть присутствие Бога в окружающей ее природе.

И Цветаева, и Честертон обращаются к миру природы в надежде приблизиться к Богу через познание его творения. Для Цветаевой это – лес, деревья. Для Честертон – природа, с которой герои романа неоднократно каждый по-своему сравнивают Воскресенье.

Кульминационным произведением поэзии Цветаевой осени 1922 года, на наш взгляд, является 6-е стихотворение цикла «Деревья» «Не краской, не кистью...» (8-9 октября). В нем отражено не только примирение поэта с Творцом и сотворенным им миром, но и переход на иной уровень видения поэтом мира Божественного Абсолюта. В этом стихотворении характеристики мира Вечности, мира деревьев: сушь, седость – сменяются иной характеристикой Того, Кто сотворил все сущее: свет. Построенное на оппозициях «свет-цвет» стихотворение подводит итог поискам поэтом гармонии с окружающим миром и его Создателем.

Финальным стихотворением в развитии Цветаевой темы тесной связи Бога и природы в рассматриваемый период творчества поэтессы, можно считать 7-е стихотворение цикла «Деревья» «Та, что без видения спала...» (12 октября). Не разбирая его подробно, отметим лишь присутствие ряда образов, имеющих библейские реминисценции: воскрешение дочери Иаира, воскрешение Лазаря, воскрешение «целых народов» для конечного суда «На милость и на гнев», «воинство под градом стрел,/ Спелое для муки» – и воплощение всех этих образов в «...Несколько взбегающих дерев/ Вечером, на всхолмье» [Цветаева, 1990, 219].

Именно в таком описании Бога как природы, свойственного пантеистам, мы видим близость образов поэзии Цветаевой и романа Честертона. Произведение Честертона наряду с гротескным «пантеизмом» имеет глубокий религиозно-философский смысл, выраженный особенно ярко в последней главе романа. Следует заметить, что сам Честертон не воспринимал свой роман как апологию христианства, называя философию романа «самодельной и неуверенной». Это были годы духовных исканий, когда после периода разочарования и пессимизма сам Честертон только приходил к канонической вере, но уже писал вполне христианские по содержанию произведения («Ортодоксия», 1908 и «Шар и Крест», 1909, первые главы он начал писать в 1905). В своей «Автобиографии», в IV главе «Как быть безумцем» Честертон пишет: «Меня часто спрашивали, что я имел в виду, изображая балаганное чудище под именем Воскресенье, и некоторые предполагали, не совсем ошибаясь, что я хотел создать кощунственный образ Творца. Но суть романа в том, как страшен мир, и не сам по себе, а для юного пессимиста 90-х годов; а чудище, казалось бы – жуткое, на самом же деле – загадочно благожелательное, не столько Бог в том смысле, какой придают Ему теисты и атеисты, сколько природа, какой она предстает пантеисту, чей пантеизм с трудом вырывается из пессимизма. Насколько в романе вообще есть смысл, он начинается, по замыслу, с мира в самом худшем виде и приходит к тому, что мир не так уж плох...» [Честертон, Автобиография..., www]. «Намного позже отец Роналд Нокс сказал мне..., что книгу, несомненно, истолкуют как доказательство моего язычества и пантеизма, а будущие представители библейской критики без труда докажут, что сцену с обвинителем вставили священники», – скажет Честертон о своем романе [Честертон, Автобиография..., www].

В отличие от романа «Человек, который был Четвергом», образ Бога в стихотворениях Цветаевой более «пантеистичен» – больше «растворен» в природе. Однако в поиске отражения Бога в Его творении Цветаева не поклоняется самому творению как Богу, но неизменно

стремится приблизиться к познанию Бога через восхищение его творением. Она стремится увидеть мир таким, каким его задумал Бог, и, осмысливая его посредством вечных библейских образов, дает ему сбыться в поэтическом слове.

В стихотворениях М. Цветаевой осени 1922 года отразились как противоречия ее душевной жизни, ее мучения от несправедливости мироустройства, так и утверждение непреложности бытия Божия. В данный период творчества теодицея поэта проходит этапы от пессимизма и отчаяния богооставленности, отраженного, например, в стихах цикла «Заводские», к утверждению Бытия в цикле «Бог» и прилегающих к нему по времени создания стихотворениях.

Заключение

В работе произведено сопоставление философской основы теодицеи как одной из составляющей религиозных взглядов, характерных для определенного периода творчества Г.К. Честертона – 1908 года, времени создания романа «Человек, который был Четвергом», и М.И. Цветаевой, стихотворений осени 1922 года и цикла стихотворений «Бог».

Используя приемы системно-структурного метода и метода текстового анализа, автор показал текстовое взаимодействие романа «Человек, который был Четвергом» и произведений М.И. Цветаевой. Выявив данные взаимосвязи, автор показал присутствие интертекстуальности в произведениях Цветаевой, что выражается в наличии общих образов, мотивов и идей, в общем, близком к пантеизму, методах познания Бога через познание природы в произведениях Г.К. Честертон и М.И. Цветаевой.

Библиография

1. Валеева Г.В. Категории добро и зло: проблема теодицеи // Известия ТулГУ. Сер. Гуманитарные науки. 2012. №1-1. С.239-247.
2. Коркина Е.Б., Шевеленко И.Д. (ред.) Марина Цветаева, Борис Пастернак. Души начинают видеть. Письма 1922-1936 годов. М.: Вагриус, 2004. 720 с.
3. Письмо М.И. Цветаевой Д.А. Шаховскому от 20 марта 1926 г., Лондон // Цветаева М.И. Письма: в 2 ч. Ч. 2. http://www.tsvetayeva.com/letters/let_shah3
4. Суховский А.В. Теология как детектив: богословские сюжеты в творчестве К.Г. Честертон // Инновации в России: потенциал, состояние, перспективы. СПб.: Санкт-Петербургский ин-т экономики, культуры и делового администрирования, 2011. С. 144-152. URL: http://sukhovskiy.blogspot.ru/2010/03/blog-post_14.html
5. Цветаева А.И. Воспоминания. М.: Советский писатель. 1984. 768 с.
6. Цветаева М.И. Записная книжка 5, 1918-1919 // http://www.tsvetayeva.com/prose/pr_5zap_4

7. Цветаева М.И. Собрание стихотворений, поэм и драматических произведений: в 3 т. Т. 2: Стихотворения и поэмы 1921-1929. М.: Прометей, 1990. 228 с.
8. Цветаева М.И. Эпос и лирика современной России // http://www.tsvetaeva.com/prose/pr_epos_i_lirika_sovremenoj_rossii
9. Честертон Г.К. Автобиография // <http://www.chesterton.ru/autobiography/chapter04.html>
10. Честертон Г.К. Ортодоксия // <http://www.chesterton.ru/orthodoxy/chapter06.html>
11. Честертон Г.К. Человек, который был Четвергом / Пер. Н.Л. Трауберг // Честертон Г.К. Собрание сочинений: в 5 т. СПб.: Амфора, 2000. Т. 1. С. 177-326.
12. Gardner M., Tenniel J. The Annotated Alice: Alice's Adventures in Wonderland & Through the Looking-glass by L. Carroll. NY.: W.W. Norton & Company, 2000. 360 p.
13. Gardner M. The Annotated Thursday: G. K. Chesterton's Masterpiece, the Man Who Was Thursday. San Francisco: Ignatius Press, 1999. 289 p.

Theodicy in the novel of G.K. Chesterton "The Man Who Was Thursday" and the poems of Marina Tsvetaeva in the fall of 1922 in light of the problems of intertextuality

Lev V. Pisarev

PhD in Philology,
Head of the Department of German Philology,
St. Tikhon's Orthodox University,
115184, 23/5a Novokuznetskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: lev-king@mail.ru

Abstract

The article examines the problem of the intertextual interaction of the works of G.K. Chesterton (the novel "The Man Who Was Thursday", 1908) and poems of Marina Tsvetaeva of September-October, 1922, first of all, the lyrical cycle "God" (October 1-5, 1922). In the novel "The Man Who Was Thursday" and in the poems of M. Tsvetaeva of the specified period one can see not only a number of similar motifs and images – vivid evidence of the influence of the works of Chesterton on the work of the Russian woman-poet, but also attempts, common for the authors of the texts under consideration, to justify the goodness of God in the face of evil, present in the world (theodicy). In the studied works of Chesterton and Tsvetaeva, according to the author, there is a similar motive of the pursuit of God and the motive of escape

of God from trying to catch up to him, to see and to know people. The presence of a certain proximity of the poetry of Tsvetaeva and the novel by Chesterton is observed in the description of God as nature.

For citation

Pisarev L.V. (2016) Teoditseya v romane G.K. Chestertona "Chelovek, kotoryi byl Chetvergom" i stikhotvoreniya M.I. Tsvetaevoi oseni 1922 goda svete problemy intertekstual'nosti [Theodicy in the novel of G.K. Chesterton "The Man Who Was Thursday" and the poems of Marina Tsvetaeva in the fall of 1922 in light of the problems of intertextuality]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 6 (6A), pp. 7-21.

Keywords

Theodicy, intertextuality, Chesterton, Tsvetaeva, pantheism.

References

1. Chesterton G.K. *Avtobiografiya* [Chesterton G.K. The Autobiography]. Available at: <http://www.chesterton.ru/autobiography/chapter04.html> [Accessed 28/11/2016].
2. Chesterton G.K. (1907) *The Man Who Was Thursday* (2000) (Russ. ed.: Chesterton G.K. (2000) Chelovek, kotoryi byl Chetvergom. In: *Chesterton G.K. Sobranie sochinenii: v 5 t. Vol. 1*). St. Petersburg: Amfora Publ., pp. 177-326.
3. Chesterton G.K. *Ortodoksiya* [Orthodoxy]. Available at: <http://www.chesterton.ru/orthodoxy/chapter06.html> [Accessed 28/11/2016].
4. Gardner M. (1999) *The Annotated Thursday: G.K. Chesterton's Masterpiece, the Man Who Was Thursday*. San Francisco: Ignatius Press.
5. Gardner M., Tenniel J. (2000) *The Annotated Alice: Alice's Adventures in Wonderland & Through the Looking-Glass by L. Carroll*. NY.: W.W. Norton & Company.
6. Korkina E.B., Shevelenko I.D. (ed.) (2004) *Marina Tsvetaeva, Boris Pasternak. Dushi nachinayut videt'. Pis'ma 1922-1936 godov* [Marina Tsvetaeva, Boris Pasternak. The souls begin to see. Letters of 1922-1936]. Moscow: Vagrius Publ.
7. Pis'mo M.I. Tsvetaevoi D.A. Shakhovskomu ot 20 marta 1926 g., London [Letter of M.I. Tsvetaeva to D.A. Shakhovskoy dated March 20, 1926, London]. *Tsvetaeva M.I. Pis'ma: v 2 ch. Ch. 2*. [Tsvetaeva M. I. Letters: in 2 volumes. Vol. 2]. Available at: http://www.tsvetayeva.com/letters/let_shah3 [Accessed 28/11/2016].
8. Sukhovskii A.V. (2011) Teologiya kak detektiv: bogoslovskie syuzhety v tvorchestve K.G. Chestertona [Theology as a detective: theological themes in the works of G.K. Chesterton]. *Innovatsii v Rossii: potentsial, sostoyanie, perspektivy* [Innovations in Russia: potential, status, prospects]. St. Petersburg: Saint Petersburg Institute of Economics, Culture and Business Ad-

- ministration, pp. 144-152. Available at: http://sukhovskiy.blogspot.ru/2010/03/blog-post_14.html [Accessed 28/11/2016].
9. Tsvetaeva M.I. *Epos i lirika sovremennoi Rossii* [Epic and lyric of modern Russia]. Available at: http://www.tsvetaeva.com/prose/pr_epos_i_lirika_sovremenoj_rossii [Accessed 28/11/2016].
 10. Tsvetaeva M.I. *Zapishnaya knizhka 5, 1918-1919* [Notebook 5, 1918-1919]. Available at: http://www.tsvetaeva.com/prose/pr_5zap_4 [Accessed 28/11/2016].
 11. Tsvetaeva A.I. (1984) *Vospominaniya* [Memories]. Moscow: Sovetskii pisatel' Publ.
 12. Tsvetaeva M.I. (1990) *Sobranie stikhotvorenii, poem i dramaticheskikh proizvedenii: v 3 t. T. 2: Stikhotvoreniya i poemy 1921-1929* [Collection of verses, poems and dramatic works: in 3 volumes. Vol. 2: Verses and poems 1921-1929]. Moscow: Prometei Publ.
 13. Valeeva G.V. (2012) Kategorii dobro i zlo: problema teoditsei [Categories of good and evil: the problem of theodicy]. *Izvestiya TulGU. Ser. Gumanitarnye nauki* [Proceedings of the TSU. Humanitarian sciences], 1-1, pp. 239-247.